



Караваджо. *Мадонна пилигримов* (деталь).
Церковь Святого Августина, Рим © Foto Scala, Firenze

Для меня все случилось в удивлении этому «прекрасному дню», когда преподаватель в девятом классе (мне было пятнадцать лет) прочитал и объяснил первую страницу Евангелия от Иоанна. «Слово Бога, то, чем все стоит, стало плотью, – говорил [тот преподаватель]. – А значит, красота стала плотью, добро стало плотью, справедливость стала плотью, любовь, жизнь, истина стали плотью: сущее не пребывает в платоновской гиперурации, оно воплотилось, стало одним из нас». Вот в этом всё. С самого юного возраста мою жизнь буквально пронизало именно это: как память, неотступно господствовавшая в моих мыслях, и как побуждение к тому, чтобы переоценивать банальную повседневность. С тех пор мгновение больше не было для меня банальным. Когда наступает такой вот «прекрасный день» и ты вдруг видишь нечто в высшей степени красивое, невозможно не сказать об этом другу рядом с тобой, невозможно не закричать: «Посмотрите туда!» Так и случилось.

Луиджи Джуссани

В юности, когда ему было всего пятнадцать лет, его потрясло открытие тайны Христа. Он ощутил (не только умом, но и сердцем), что Христос – центр, объединяющий всю реальность, ответ на все человеческие вопросы, исполнение всякого желания счастья, блага, любви, вечности, присутствующего в человеческом сердце. Изумление и очарованность первой встречей со Христом уже больше не покидали его. Кардинал Ратцингер на его похоронах сказал: «Взгляд жизни и сердца отца Джуссани всегда был сосредоточен на Христе. Так он понял, что христианство не интеллектуальная система, не набор догм, не морализм; христианство – это встреча, история любви, событие». Вот корень его харизмы. Отец Джуссани притягивал, убеждал, обращал сердца, поскольку передавал другим то, что носил в самом себе с тех пор, как пережил тот основополагающий опыт, – пламенную любовь к человеку и пламенную любовь ко Христу как к совершению человека.

Папа Франциск